Ребрина Л. Н. Деактуализация при презентации фрагментов коллективной памяти в СМИ России и Германии / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-70-82.

Rebrina, L. N. (2017). Deactualization while Presenting the Fragments of Collective Memory in German and Russian Mass Media. *Nauchnyy dialog, 5:* 70-82. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-70-82. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.112.2'42:070
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-70-82

Деактуализация при презентации фрагментов коллективной памяти в СМИ России и Германии[1]

© Ребрина Лариса Николаевна (2017), orcid.org/0000-0003-0512-980X, доктор филологических наук, доцент, кафедра немецкой и романской филологии, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия), LNrebrina@volsu.ru.

SPIN-code: 3971-1615
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800

Излагаются результаты анализа, выполненного в рамках сопоставительного лингвистического изучения закономерностей реактуализации коллективной памяти в СМИ Германии и России. Этнокультурная специфика дискурсивных практик памяти остается недостаточно изученной. Коллективная память понимается как дискурсивный, социально конструируемый посредством релевантных стратегий феномен, как символическая реконструкция прошлого с учетом современных потребностей. СМИ как инструмент социального контроля являются эффективным средством манифестации коллективной памяти. Объект исследования — характеристики деактуализирующей презентации прошлого в СМИ двух стран, смещающей коммуникативный фокус с конкретного события и противодействующей эмоциональному вовлечению адресата и формированию ценностного отношения к прошлому. Востребованность данной стратегии обусловливается сосуществованием конкурирующих картин прошлого и конфликтами памяти. Анализируемое коммуникативное взаимодействие характеризуется субъект-объектным отношени-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект 15-04-00068 «*Функционально-семантический потенциал глагольных коллокаций памяти при формировании образа прошлого в российских и германских СМИ*».

ем адресанта и адресата. По результатам исследования делается вывод о регулярности реализации в СМИ установки на десенсибилизацию массового адресата по отношению к прошлым событиям. Отмечаются меньшая релевантность описываемой стратегии для СМИ России, схожесть репертуара тактик смещения коммуникативного фокуса с оценки фрагментов коллективного прошлого в российских и германских СМИ. Определяются наиболее и наименее частотные тактики деактуализирующей презентации прошлого.

Ключевые слова: СМИ; память; стратегии; тактики; адресант; адресат; образ прошлого.

1. Вводные замечания

Интерпретация коллективного прошлого является социально значимой задачей общественной коммуникационной системы любого государства, в рамках которой осуществляется целенаправленное конструирование исторических оценок, сопряженных с решением актуальных политических задач. При этом предъявляемые картины прошлого определяются современными потребностями и могут преследовать разные цели, например, формирование или сохранение национальной консолидации, воссоздание положительного образа настоящего и поддержание существующего порядка, критика современного состояния и власти, традирование ценностей, достигаемые в ходе реактуализации и реинтерпретации фрагментов коллективной памяти. Исследовательская парадигма памяти включает работы философов, социологов, историков, культурологов, психологов, физиологов, биологов, медиков, литературоведов, лингвистов, отражая междисциплинарный характер данного феномена. Лингвисты изучают языковые репрезентации памяти, исследуя память как фрагмент языковой картины мира, денотат, компонент концептосферы, дискурсивный конструкт или проявление языковой личности (Д. Ю. Апресян; Н. Г. Брагина, М. А. Дмитровская, Л. Н. Ребрина, О. Г. Ревзина, М. Г. Сабадашова, Н. В. Скоромыслова, В. В. Туровский, Е. В. Урысон, О. В. Шаталова, О. В. Щиленко, A. Keppler, A. Linke, H. Weinrich и др.). Этнокультурная специфика дискурсивных практик манифестации памяти, однако, до сих пор не становилась предметом комплексного анализа. Еще одним объектом нашего исследовательского интереса является феномен воздействия в массовой коммуникации. Несмотря на активную разработку данной проблематики, в контексте лингвистического изучения памяти явление манипулятивного воздействия, опосредующего институциональные реактуализации фрагментов коллективной памяти, контекстуально обусловленное формирование картины прошлого у массового адресата, остается мало исследованным. Перечисленные факты обусловливают актуальность предпринятого исследования.

2. Методика исследования

Выполненный анализ нацелен на выявление в двух лингвокультурах (русской и немецкой) закономерностей реактуализации фрагментов коллективной памяти в СМИ, направленной на отвлечение массового адресата от формирования ценностного отношения к коллективному прошлому. Речь идет о реализации стратегии нейтрализующей, деактуализирующей презентации прошлого, в рамках которой нивелируются как позитивные, так и негативные характеристики фрагмента прошлого, инициируется дистанцирование массового адресата от нравственной рефлексии относительно каких-либо событий и противодействие его эмоциональному вовлечению; коммуникативный фокус смещается с объекта коллективной памяти. Востребованность данной стратегии во многом обусловливается стремлением сгладить негативные последствия сосуществования и противостояния противоречивых, конкурирующих и часто мозаичных картин прошлого, претендующих на то, чтобы стать основой социального порядка (что соотносится с новым феноменом «конфликты памяти», сопряженным с политико-функциональными смыслами памяти и встраиванием проблем памяти в социальные проблемы [Hałas, 2008]). Прошлое превращается в набор постоянно перетолковываемых текстов, утрачивает целостность и реальность. Формирование и поддержание образа прошлого базируется на селективной и интерпретативной функциях коллективной памяти.

Коллективная память понимается в рамках данного исследования как социально конструируемый в дискурсивных практиках посредством релевантных стратегий и тактик феномен [Ребрина, 2014; Löffler, 1988; Phenomenon ..., 2014], движение социальных смыслов в социальном пространстве и времени [Соколов, 2002], целенаправленные действия социума, ориентированные на символическую реконструкцию прошлого с учетом современных потребностей и задач [Адорно, 2005; Кемеров, 1998; Evans, 2003; Karitzki, 2004; Megill, 1998]. Высокорелевантным средством манифестации коллективной памяти выступают СМИ как «клишированный» способ социального контроля», средство информационного давления на индивида со стороны социального целого [Кальной, 1990, с. 67; Пигалев, 1991, с. 40; Baer, 2001; Kitch, 2011]. Коммуникативное взаимодействие при этом характеризуется субъект-объектным отношением адресанта и адресата в рамках коммуникативного действия «управление», нацелено на изменение когнитивных и аксиологических установок адресата, снижение критичности его восприятия [Хасуева, 2011, с. 176, 178; Соколов, 2002]. Десенсибилизация адресата по отношению к фрагментам прошлого предполагает выбор соответствующих тактик и языковых средств.

Нейтрализующая, деактуализирующая презентация прошлого может основываться на представлении прошлого как некого (исторического) горизонта, фона, на котором происходит развитие современного общества, на сведении конкретных событий к категориям или действию глобальных законов, общеисторических процессов, на классифицировании и лишении их индивидуальной значимости, фаталистической интерпретации. Роль фрагмента прошлого может сводиться к обучающей, а событие — предъявляться как источник опыта или знания, урок, база для формирования традиции. Еще одним способом десенсибилизации адресата по отношению к фрагменту коллективной памяти является фетишизация, при которой происходит овеществление, вещное замещение / опосредование фрагмента истории некими предметами в сознании членов социума, что ведет к доминированию внешней формы как объекта ценностного отношения, к обезличиванию переживаний.

Материалом исследования являются отобранные из корпуса DWDS [DWDS] и корпуса университета г. Лидс контексты [LEEDS] из российских и германских СМИ, иллюстрирующие стратегию дереализующей презентации коллективного прошлого.

3. Результаты

Выполненный анализ публикаций СМИ России и Германии позволил определить регулярно реализуемые тактики стратегии деактуализирующей презентации фрагментов прошлого. Смещение коммуникативного фокуса с оценки фрагментов прошлого в русско- и немецкоязычных дискурсивных практиках характеризуется схожим репертуаром тактик, включающим тактики морализующей интерпретации, переноса акцента с события на его коммеморацию, метаисторической рефлексии, обобщающей, иллюстративной теоретизации, дереализирующей анонимизации, классифицирования фрагментов прошлого.

Количественный анализ указывает на превалирование негативной презентации прошлого и практически одинаковую релевантность при формировании картины прошлого в германских СМИ установок адресанта на критику современного порядка, поддержание позитивных групповых и национальной идентичностей, с одной стороны, и деактуализацию конфликтующих образов прошлого, с другой стороны, то есть стратегий отчуждающей (30 %) и позитивной презентации фрагментов прошлого (26 %). Обращение к содержанию коллективной памяти в российских СМИ характеризуется одинаковой частотностью отрицательной и положительной презентации прошлого (42 % и 39 %) и су-

щественно меньшей релевантностью деактуализирующей презентации прошлого (19 %).

Стратегия деактуализирующей презентации прошлого в германских СМИ преимущественно актуализируется тактиками переноса акцента с события на его коммеморацию (32,19 %), морализующей интерпретации (20,69 %), обобщающей иллюстративной теоретизации (18,4 %). Реже всего применяется тактика дереализирующей анонимизации (3,45 %). В российских СМИ данная стратегия чаще всего реализуется тактиками морализующей интерпретации (32 %), метаисторической рефлексии (24 %), переноса акцента с события на его коммеморацию (18 %); наименее частотны тактики классифицирования (8 %) и дереализирующей анонимизации (4 %).

Проиллюстрируем наиболее частотные тактики описываемой стратегии в СМИ России и Германии.

В рамках наиболее часто актуализирующей стратегию нейтрализующей презентации прошлого в российских СМИ тактики морализующей интерпретации фрагменты прошлого интерпретируются как предостережения, уроки прошлого для последующих поколений, то есть содержание исторического знания, выполняющего обозначенную (обучающую) функцию. При этом индивидуальные характеристики конкретного события нивелируются. Данная тактика соотносится с основными целями СМИ (воспитание, поддержание образцов, наставление), поскольку морализация, как инструмент СМИ, предусматривает обращение к этическим нормам и нравственным принципам, разделяемым социумом. Релевантными языковыми средствами, реализующими тактику морализующей интерпретации, являются глаголы интеллектуальной деятельности, лексемы семантического поля «Память», хрононимы.

В приводимом ниже контексте обращение к социальным ценностям и принципам (необходимо знать и помнить, уважать свою историю) сочетается с интерпретацией прошлого как источника знаний и опыта. Автор публикации осуждает пренебрежительное отношение к своей истории, культуре, традициям (см. значение выражения *Иваны, не помнящие родства* — «В России в эпоху крепостного права пойманные беглые каторжники, чтобы скрыть свое прошлое, говорили, что ничего не помнят — ни имени, ни родства, ни места рождения. Поэтому в полиции их всех записывали «Иванами, родства не помнящими». Иносказательно: человек, не уважающий своей истории и традиций (презрит., неодобр.)» [ЭСКСВ]), но не стремится к формированию однозначной оценки прошлого у массового адресата. Коммуникативный фокус нацелен на акцентирование

необходимости сохранения истории и на ее обучающую функцию: *Здесь, в Кремле, — сосредоточие нашей национальной памяти <…> И у нас нет права быть «иванами, не помнящими родства». Мы не должны забывать ничего. Мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть. Извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство* ... [LEEDS, id="5892"].

Следующая публикация посвящена этноконфессиональным конфликтам в прошлом страны, автор обращается к событиям истории Российской империи и сегодняшним актуальным задачам. Сообщение выстраивается с использованием рекуррентных образов: прошлое — «учитель», события прошлого — «уроки». Индивидуальная значимость событий нивелируется: *Здесь, кстати, было чему поучиться у Золотой Орды <…> Достижение межнационального и межконфессионального согласия — серьезная задача и для современной России. Говорят, что история учит только тому, что ничему не учит. Не хотелось бы в это верить, потому предложим другую формулу: история учит того, кто действительно хочет учиться* [ГРТ, 16.03.2017].

Аналогичная тактика реализуется в следующих контекстах из публикаций о дне памяти жертв геноцида армянского народа и дне народного единства: *Сколько бы лет не прошло, мы будем помнить трагедию. Мы должны извлекать уроки прошлого и прикладывать свои общие усилия, чтобы нигде подобное в мире не повторилось, чтобы все жили в мире, дружбе и согласии, — говорит Артуш Карапетян* [U24, 24.04.2015], или: *Этот день стал для нас символом солидарности и сотрудничества, он помогает нам извлекать уроки прошлого, думать о будущем и с уважением относиться к страницам истории нашей страны* [ДГ, 06.11.2015].

Вторая по частотности в российских СМИ в рамках описываемой стратегии тактика метаисторической рефлексии предусматривает снижение индивидуальной значимости конкретного события в результате акцентирования цикличности и повторяемости истории, апелляции к общеисторическому процессу, к всемирной истории, когда частные случаи сводятся к общему или к иллюстрациям исторических законов и закономерностей. Релевантными средствами реализации данной тактики являются топонимы, хрононимы, языковые средства с семантикой причинно-следственных отношений.

В следующем контексте, например, речь идет о «либеральных достижениях» в период правления Александра II в России (отмена крепостного права, реформа образования, городского самоуправления, судебная ре-

форма и др.) Реактуализация данного фрагмента коллективного прошлого сопровождается обобщением, апелляцией к общему историческому процессу. Используются лексические единицы, описывающие причинно-следственные отношения, устанавливаемые взаимосвязи (*заключаться, причина, парадокс*), хрононим *оттепель* (период в истории СССР после смерти Сталина, сер. 50-х–сер. 60-х годов, связываемый с именем Н. С. Хрущова), противопоставляемый неофициальному «антонимическому» хрононим *заморозки* (сменивший оттепель брежневизм, неосталинизм), которые используются в обобщенном значении. Индивидуальные черты и роль конкретных исторических событий «затемняются», события предъявляются массовому адресату как очередная полоса в чередовании более либеральных и более тоталитарных периодов, цикличность которых составляет исторический процесс: *Один из парадоксов нашей истории в том и заключается, что «оттепели» случаются у нас исключительно по причине нестерпимых «заморозков», когда страна доведена до крайности очередной манией геополитического величия и изысками «особого пути к Третьему Риму»* [РБК, 12.02.2016].

При реализации высокорелевантной при деактализирующей презентации прошлого в германских СМИ тактики переноса акцента с события на его коммеморацию адресант избегает квалифицирования отдельного фрагмента коллективного прошлого, акцентируя наличие определенной традиции, ритуала, места памяти, связанных с данным событием, то есть событие предъявляется как база коммеморативных практик. Коммеморация (термин введен французскими исследователями «истории памяти») — эффективное средство выражения и транслирования солидарности группы, способа предъявления тезиса об историческом единстве нации [Нора, 1999: 95—147]. Искусственно созданный объект — знак события — может воспроизводить его внешнюю форму, замещает его, опосредует доступ к событию, способствует «фетишизации» фрагмента прошлого. В результате память начинает функционировать только в рамках данной «привязки». Описываемая тактика, помимо конституентов семантического поля «Память», предполагает употребление лексических единиц, обозначающих характеристики коммеморативных практик (место, время, количество участников и пр.).

В приводимых ниже контекстах продуцент текста упоминает некое конкретное событие опосредовано через констатацию существования места памяти или утверждение о необходимости его создания, как своего рода знака, замещающего данный фрагмент прошлого в коллективном сознании людей. Например: *Diese Sonderbriefmarke soll an das Attentat auf*

Hitler vom 20. Juli 1944 erinnern, das sich in diesem Jahr zum 50. Mal jährt. Der Entwurf stammt vom Graphiker Hans Peter Hoh [DWDS, BZ, 12.07.1994]. Конкретное историческое событие — покушение на Гитлера — предъявляется адресату без его квалифицирования, опосредованно через сообщение о выпуске памятной марки и создавшем ее художнике-графике. Адресант использует глагол памяти *erinnern,* приводит детали (*vom 20. Juli 1944, zum 50. Mal jährt, Graphiker Hans Peter Hoh*).

В примере речь также идет о коммеморативных практиках: (1) о создании нового мемориала, который должен напомнить о жертвах разъединения Германии и павших во второй мировой войне: *Mit der Gedenkstätte will die Bundesregierung an die Opfer der deutschen Teilung erinnern. Aber auch der Toten des Zweiten Weltkrieges werde gedacht, betont das Deutsche Historische Museum* [DWDS, BZ, 12.08.1994]; (2) о мероприятиях мемориального фонда концентрационного лагеря Равенсбрюк: *Mit einer Reihe von Lesungen in Ravensbrück will die Brandenburgische Gedenkstättenstiftung in dieser Woche an die Leiden von Tausenden Frauen im faschistischen Konzentrationslager erinnern. Am Donnerstagabend schildert Michele Maillet mit Auszügen aus ihrem Buch «Der schwarze Stern» die Erlebnisse einer schwarzen Frau in dem KZ* [DWDS, BZ, 20.07.1994].

Следующий пример иллюстрирует реализацию второй по частотности тактики нейтрализующей презентации прошлого в германских СМИ — тактику морализующей интерпретации. Тематика публикации — история антисемитизма. Адресант обращается к конкретному историческому событию (*Kristallnacht* — «хрустальная ночь», еврейский погром в фашистской Германии в ночь на 10 ноября 1938 года, начало массового уничтожения евреев), которое предъявляется как предостережение, источник опыта и знания, утверждающих ценность и необходимость борьбы за права человека: *Wir müssen aus der Vergangenheit lernen und den Menschen Gelegenheiten bieten, die Bedeutung des Schutzes der Grundrechte in der heutigen Zeit zu begreifen. Dies können wir erreichen, indem wir beispielswiese die Gedenkstätten der Vergangenheit in* «*Gedenkstätten für die Zukunft» umwandeln <…> Die FRA unterstützt Bemühungen, die darauf abzielen, aus der Vergangenheit zu lernen und so einen Beitrag zur Menschenrechtserziehung zu leisten* [FRA, 08.11.2012].

В приводим ниже контексте речь идет о 69-ой годовщине окончания второй мировой войны, интерпретация события опосредуется утверждением министра внутренних дел Нижней Саксонии Б. Писториуса о необходимости извлечь уроки из этого периода истории: *«Heute ist für uns alle in diesem Land — und ja, sogar für die ganze Welt — ein besonderer und denk-*

würdiger Tag, denn das Ende des Zweiten Weltkriegs jährt sich zum 69. Mal», erklärte Niedersachsens Innenminister Boris Pistorius bei seinem gestrigen Besuch in den Berufsbildenden Schulen in Rotenburg. Es sei und bleibe deshalb notwendig, aus dieser Zeit zu lernen [KZ, 09.05.2014].

4. Выводы

Сопоставление полученных результатов анализа реактуализации фрагментов коллективной памяти в двух лингвокультурах свидетельствует о манифестации в российских и германских СМИ интерпретативного и интенционального характера феномена коллективной памяти, указывает на релевантность установки как на формирование ценностного отношения к прошлому (при амбивалентности оценок, определяемых условиями и установками актуальной ретроспекции), так и на десенсибилизацию массового адресата по отношению к прошлым событиям. Общим для изучаемых дискурсивных практик является также реализация коммуникативного действия «управление» и набор тактик описываемой стратегии деактуализирующей презентации прошлого. При этом в СМИ Германии стратегии позитивной и дереализующей презентации прошлого одинаково релевантны, уступая стратегии негативной презентации прошлого. В СМИ России одинаково частотны стратегии формирования (позитивного / негативного) ценностного отношения к прошлому, а десенсибилизация адресата по отношению к прошлому и, соответственно, установка на минимализацию контрастных, конфликтующих образов прошлого наименее частотна, что является отражением стремления адресанта к эмоциональному вовлечению адресата.

Предъявление нейтрализованного образа прошлого в германских СМИ осуществляется прежде всего посредством переноса акцента с события на его коммеморацию, опосредующую доступ к фрагменту прошлого с учетом актуальных потребностей современной ситуации. Продуктивность данной тактики объясняется высоким манипуляционным потенциалом коммеморации как инструмента селективного «менеджмента» прошлого, опосредующего доступ к событию. В СМИ России предъявление и трансляция нейтрализованного образа прошлого реализуется чаще всего тактиками морализующей интерпретации и метаисторической рефлексии. Наименее релевантна для названной цели в дискурсивных практиках СМИ обеих лингвокультур тактика дереализирующей анонимизации, что связано с фаталистическим характером интерпретации, не отвечающей воспитательной и пропагандисткой функциям СМИ.

Источники и принятые сокращения

1. ГРТ — *Газета* Республика Татарстан [Электронный ресурс] : газета. — Режим доступа : http://rt-online.ru.

2. ДГ — *Донская* газета [Электронный ресурс] : газета. — Режим доступа : http://gazeta-don.ru.

3. РБК — *РБК* [Электронный ресурс] : газета. — Режим доступа : http://www.rbc.ru.

4. ЭСКСВ — *Энциклопедический* словарь крылатых слов и выражений / сост. В. Серов. — Москва : Локид-Пресс. — 2003. — 880 с.

5. BZ — *Berliner* Zeitung [Electronic resource]. — Access mode : http://www.berliner-zeitung.de/home.

6. DWDS — *Das Digitale* Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. — Access mode : http://www.dwds.de.

7. FRA — *Agentur* der Europäischen Union [Electronic resource]. — Access mode : http://fra.europa.eu/de/publications-and-resources.

8. KZ — *Kreiszeitung* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.kreiszeitung.de.

9. LEEDS — *Русскоязычный* газетный корпус университета г. Лидс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html.

10. U24 — *U24.ru* [Электронный ресурс] : газета. — Режим доступа : http://u24.ru/news/news.php.

Литература

1. *Адорно Т.* Что означает «проработка прошлого» / Т. Адорно // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3. — С. 40—41.

2. *Кальной И. И.* Отчуждение : истоки и современность / И. И. Кальной. — Симферополь : Таврия, 1990. — 198 с.

3. *Кемеров В.* Память коллективная / В. Кемеров // Современный философский словарь. — Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж; Люксембург; Москва; Минск : Панпринт, 1998. — 1064 с.

4. *Нора П.* Эра коммеморций / П. Нора // Франция-память. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. — С. 95—147.

5. *Пигалев А. И.* Философский нигилизм и кризис культуры / А. И. Пигалев. — Саратов : Изд-во Саратовского государственного университета, 1991. — 150 с.

6. *Ребрина Л. Н.* Композиционные тактики негативной презентации коллективного прошлого в германских СМИ / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2014. — № 10 (34) : Филология. — С. 70—82.

7. *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. — Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 461 с.

8. *Хасуева М. Х.* Модель политической коммуникации и роль феномена суггестии в этой модели / М. Х. Хасуева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 3. — С. 176—181.

9. *Baer A.* Consuming history and memory through mass media products / A. Baer // European Journal of Cultural Studies. — 2001. — Vol. 4. — №. 4. — P. 491—501.

10. Evans R. J. Introduction : Redesigning the Past: History in Political Transitions / R. J. Evans // Journal of Contemporary History. — 2003. — Vol. 38. — №. 1. — P. 5—12.

11. *Hałas E.* Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age / E. Hałas // Time & Society. — 2008. — Vol. 17. — №. 1. — P. 103—118.

12. *Karitzki O*. Nation heißt sich erinnern / O. Karitzki // Erinnerung. Philosophische Perspektiven. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2004. — S. 199—228.

13. *Kitch C.* Keeping history together : the role of social memory in the nature and functions of news / C. Kitch // Aurora. Revista de Arte, Mídia e Política. — 2011. — №. 10. — P. 69—70.

14. *Löffler H.* Vergangenheit in mündlicher Überlieferung aus germanistischer Sicht / H. Löffler // Vergangenheit in mündlicher Überlieferung. — Stuttgart : Teubner, 1988. — S. 100—113.

15. *Megill A.* History, Memory, Identity / A. Megill // History of the Human Sciences. — 1998. — Vol. 11. — №. 3. — P. 37—62.

16. *Phenomenon* of Memory and Category of Space : Gnoseological and Communicative Status / N. Shamne, L. Rebrina, A. Petrova, M. Milovanova // XLinguae. European Scientific Language Journal. — 2014. — Vol. 7. — Issue 3. — P. 32—49.

Deactualization while Presenting the Fragments of Collective Memory in German and Russian Mass Media[1]

© Rebrina Larisa Nikolayevna (2017), Doctor of Philology, associate professor, Department of German and Roman Philology, Volgograd State University (Volgograd, Russia), LNrebrina@volsu.ru.

The results of the analysis conducted in the framework of a comparative linguistic study of patterns of collective memory reactualization in the media in Germany and Russia are presented. Ethnocultural specificity of the discursive practices of memory remains understudied. Collective memory is understood as discursive, socially constructed through relevant strategies phenomenon, as a symbolic reconstruction of the past that meets modern needs. Media as a tool of social control are effective means of manifestation of the collective memory. Object of research are the features of deactualizing presentation of the past in the media of the two countries, displacing communicative focus from specific events and counteracting the emotional involvement of the recipient and the formation of value attitude to the past. The relevance of this strategy is determined by the coexistence of competing pictures of the past and memory conflicts. Analyzed communi-

[1] The study is financially supported by Russian Foundation for Basic Research, project 15-04-00068 “Functional-semantic potential of the verbal collocations of memory while forming the image of the past in Russian and German media”.

cative interaction is characterized by the subject-object relation between the addresser and the addressee. According to the results of research it is concluded about the regularity of the implementation of the media installation for the mass desensitization of the recipient in relation to past events. The smaller relevance of the described strategy to the Russian media, the similarity of the repertoire of tactics of displacement of communicative focus from the evaluation of the fragments of a collective past in Russian and German media are mentioned. The most and least frequent tactics of deactualizing the presentation of the past are identified.

Key words: mass media; memory; strategy; tactics; sender; addressee; image of the past.

Material resources

BZ — *Berliner Zeitung*. Available at: http://www.berliner-zeitung.de/home.

DG — *Donskaya gazeta: gazeta*. Available at: http://gazeta-don.ru. (In Russ.).

DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: http://www.dwds.de.

ESKSV — *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy*. 2003. Moskva: Lokid-Press. (In Russ.).

GRT — *Gazeta Respublika Tatarstan: gazeta*. Available at: http://rt-online.ru. (In Russ.).

FRA — *Agentur der Europäischen. Union*. Available at: http://fra.europa.eu/de/publications-and-resources.

KZ — *Kreiszeitung*. Available at: https://www.kreiszeitung.de.

LEEDS — *Russkoyazychnyy gazetnyy korpus universiteta g. Lids* Available at: http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html. (In Russ.).

RBK — *RBK: gazeta*. Available at: http://www.rbc.ru. (In Russ.).

U24 — *U24.ru: gazeta*. Available at: http://u24.ru/news/news.php. (In Russ.).

References

Adorno, T. 2005. Chto oznachayet «prorabotka proshlogo». *Neprikosnovennyy zapas, 2/3:* 40—41. (In Russ.).

Baer, A. 2001. Consuming history and memory through mass media products. *European Journal of Cultural Studies, 4/4:* 491—501.

Evans, R. J. 2003. Introduction: Redesigning the Past: History in Political Transitions. *Journal of Contemporary History, 38/1:* 5—12.

Hałas, E. 2008. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age. *Time & Society, 17/1:* 103—118.

Kalnoy, I. I. 1990. *Otchuzhdeniye: istoki i sovremennost'*. Simferopol: Tavriya. (In Russ.).

Karitzki, O. 2004. Nation heißt sich erinnern. In: *Erinnerung. Philosophische Perspektiven.* München: Wilhelm Fink Verlag.

Kemerov, V. 1998. Pamyat' kollektivnaya. In: *Sovremennyy filosofskiy slovar'*. London; Frankfurt-na-Mayne; Parizh; Lyuksemburg; Moskva; Minsk: Panprint. (In Russ.).

Kitch, C. 2011. Keeping history together: the role of social memory in the nature and functions of news. *Aurora. Revista de Arte, Mídia e Política, 10:* 69—70.

Khasueva, M. Kh. 2011. Model politicheskoy kommunikatsii i rol' fenomena suggestii v etoy model. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 3:* 176—181. (In Russ.).

Löffler, H. 1988. Vergangenheit in mündlicher Überlieferung aus germanistischer Sicht. In: *Vergangenheit in mündlicher Überlieferung*. Stuttgart: Teubner.

Megill, A. 1998. History, Memory, Identity. *History of the Human Sciences, 11/3:* 37—62.

Nora, P. 1999. *Era kommemoratsiy. Frantsiya-pamyat'*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. (In Russ.).

Rebrina, L. N. 2014. Kompozitsionnyye taktiki negativnoy prezentatsii kollektivnogo proshlogo v germanskikh SMI. *Nauchnyy dialog, 10 (34): Filologiya:* 70—82. (In Russ.).

Pigalev, A. I. 1991. *Filosofskiy nigilizm i krizis kultury*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).

Shamne, N., Rebrina, L., Petrova, A., Milovanova, M. 2014. Phenomenon of Memory and Category of Space: Gnoseological and Communicative Status. *XLinguae. European Scientific Language Journal, 7/3:* 32—49.

Sokolov, A. V. 2002. *Obshchaya teoriya sotsialnoy kommunikatsii*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Mikhaylova V. A. (In Russ.).